

А ты им все прости

Общая газета.
— 2000. — 15-21 июня.
— с. 10

Новые пополнения «ахматовианы»

АННУ АХМАТОВУ всю жизнь преследовали сплетни и пересуды. Продолжается это и после смерти. Три книги, о которых пойдет речь, не стремятся утолить любопытство толпы.

Ахматова в записях Дувакина. М.: Наталис, 1999. 5000 экз.

С одной стороны, это воспоминания современников, с другой — расшифровка неспешных бесед под магнитофон. Такое соединение придает мемуарам характер непосредственного общения, воскрешая в памяти «настоящее прошедшее время», как определила задачу Ольга Фигурновская — составитель и автор комментариев.

Ахматова в этой книге — живая, с недостатками и слабостями красивой женщины, с печатью гордости, наложенной, словно грим, поверх горестей, запрятанных глубоко в душе. Но каждым своим жестом и словом — поэт. Говорят, Анна Андреевна боялась воспоминаний о себе, боялась, что отстраненный и холодный взгляд развеет миф или явится импульсом для создания нового. Поэтому самостоятельной темой, контрапунктной основному мотиву, служат комментарии Ольги Фигурновой к каждой из бесед. Книга не только воскрешает аромат эпохи, но и контекст. Теперь четче вырисовывается знакомый и любимый профиль поэта. Очерки снабжены исчерпывающим и подробным справочным аппаратом, проиллюстрированы множеством неизвестных ранее фотографий и дополнены

стихотворениями, посвященными Ахматовой.

Николай Пунин. Мир светлеет любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. 5000 экз.

Имя Николая Николаевича Пунина, до сей поры прочно закрепленное по ведомству искусствоведения и литературоведения в связи с Ахматовой, наконец отделилось от своей более именитой тени и выпорхнуло за рамки пестрого полотна Серебряного века. Книга, не существовавшая даже в самых смелых мечтах ее автора, обрела плоть спустя более полувека после его кончины. Из дневниковых записей, писем и искусствоведческих очерков о современниках получилась самый настоящий модернистский роман: любовный роман автора с главной героиней и — роман автора со словом.

Первооткрывателем его писательского таланта стал журнал «Аполлон». Однако первые опыты в прозе все-таки принадлежат дневнику Пунина, который он начал вести в 1904 году. Словно оправдываясь перед своими будущими читателями, он так мотивировал свое решение: «Дневники пишутся либо из тщеславного желания, чтобы кто-то в потомстве их прочел, либо из желания показать их кому-то поблизости, либо оттого, что не с кем поговорить, либо для того, чтобы оформить и, следовательно, уяснить для самого себя свои смутные чувства, мысли; либо от графомании и

безделья. Я пишу, вероятно, по всем пяти причинам сразу».

Вряд ли (хотя тут можно спорить) искусствоведение сполна реализовало талант Пунина как писателя. «Гений, но без определенного призвания», — язвительно, но точно заметила его невеста Анна Аренс. Эта русская разбросанность душевной организации, отлаженной по малейшему поводу эмоциям и порывам, и как следствие — раздвоенность, приводила к неприязни и конфликтам. «Он был двойственный, Пунин, то элегантный, в черном костюме, с галстуком, таким его знали на лекциях, а другой раз сидит в халате, в тапочках, раскладывает пасьянс, еле кивнет и не разговаривает», — пишет Эмма Герштейн.

Анна Ахматова в свое время поклялась Пунину, что никогда не выйдет за него замуж. Отношения между ними были болезненными. Но судьба подарила им мгновения взаимной любви. Не будь ее, не появились бы на свет пленительные ахматовские стихи: «Небывалая осень построила купол высокий», «И ты мне все простишь», «Уводили тебя на рассвете»...

Владимир Шилейко. Пометки на полях. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1999. 3000 экз.
«Путник, откуда идешь?»

*Я был в гостях у Шилейки.
Дивно живет человек.*

*Смотришь — не веришь очам:
В бархатном кресле сидит.*

За обедом кушает гуся.

*Кнопки коснется рукой —
сам зажигается свет».*

Эти шуточные строки Осипа Мандельштама из «Антологии античной глупости» 1910 года были адресованы Владимиру Казимировичу Шилейко. До недавнего времени его имя упоминалось только в примечаниях и сносках, словно лишенное своего самостоятельного значения и смысла. И вовсе не потому, что он принадлежал к числу репрессированных и запрещенных. А потому, что числился «по еврейско-арабско-сирийскому разряду», то бишь был ученым, ассириологом. Вход в эту отгороженную от мира вавилонскую башню древнейших культур не только чехикам, но и людям неискушенным заказан. Современники рассказывают, как на одном из вечеров сошлись Василий Розанов и Шилейко. Разговор их о древнем Египте был настолько умен и непонятен для окружающих, что очень скоро в комнате они остались одни. Однако Шилейко после сказал: «Василий Васильевич человек интересный, но в Египте ничего не понимает».

В «Записных книжках» Лукницкого приведены слова Ахматовой: «Оба, Лозинский и Гумилев, свято верили в гениальность Шилея и, что уже совсем непостижительно, в его святость».

В том, что Ахматова и Шилейко оказались вместе, виноваты Лозинский и Гумилев. По воспоминаниям самой Ахматовой, именно они твердили ей: «Египтянин! Египтянин!..» — в два голо-

са. Ну я и согласилась... К нему сама пошла... Чувствовала себя такой черной, думала очищение будет...» Анатолий Найман в «Рассказах о Анне Ахматовой» пишет об этом же так: «Пошла, как идут в монастырь, зная, что потеряет свободу, всякую волю. Шилейко мучил АА — держал ее, как в тюрьме, взаперти, никуда не выпускал...»

Впрочем, и многие боги из шумеро-аккадской мифологии злы, грубы, жестоки, а свои поступки часто объясняют капризами, пьянством и распушенностью. Разумеется, Шилейко не был в точности под стать своим кумирам. Скорее — оторванным от мира чудачком. Со своим укладом жизни и темпераментом. Но Ахматовой, жившей с Шилейко и подолгу, часами, переписывавшей под его диктовку работы по истории Ассирии, Вавилона и Египта, все же от этого было не легче. Сама Анна Андреевна говорила об их браке, как о мрачном недоразумении. После расставания фамилия Шилейко с 1921 по 1926 год числилась и за Ахматовой, так как их развод официально не был оформлен.

Фамилию талантливого ученого и замечательного поэта из жизни вычеркнул туберкулез — через четыре года после того, как она была удалена из документов Ахматовой, в 1930 году. Из жизни, но не из памяти ценителей поэзии Серебряного века.

Игорь МИХАЙЛОВ